

ПОЗИЦИЯ СПЕЦИАЛИСТА помогающей профессии в работе с дисфункциональной семьёй

Надежда Леонидовна Маленкова, начальник отдела профилактики и предотвращения семейного неблагополучия и социального сиротства «Содействие», Московский гуманитарный педагогический институт

В дисфункциональной семье нарушены основные функции, призванные удовлетворять жизненно важные потребности её членов (по А. Маслоу). Для ребёнка критично нарушение взрослыми родительской функции, поскольку: (1) ребёнок в силу возраста не может и не должен обеспечивать своё существование; (2) семья — основа чувства безопасности и эмоционального комфорта ребёнка, а родители — объекты эмоциональной привязанности (по Дж. Боулби); (3) родители своим поведением дают ребёнку модели поведения, являются источником жизненного опыта; (4) родители влияют на мировоззрение и поведение ребёнка через контроль, поощрения, осуждения и наказания — тем самым способствуя его адаптации и социализации; (5) родители прогнозируют и отчасти программируют жизненную перспективу своего ребёнка (в личном, профессиональном, социальном, семейном плане); (6) родители поддерживают его на протяжении всей жизни.

Крайними проявлениями родительской дисфункции является жестокое обращение с ребёнком в семье — физическое, психологическое и сексуальное насилие, а также пренебрежение потребностями ребёнка. Причинами неспособности родителей выполнять свои функции могут быть: 1) значительные нарушения личностных качеств родителей, хронические соматические или психические заболевания у них, аддиктивное поведение одного или обоих родителей; 2) нарушение воспитательных позиций родителей, использование негативного стиля воспитания ребёнка — как опыт собственного детства в своей семье или без неё (например, у беспризорных детей или воспитанников интернатных учреждений); 3) неприятие собственного ребёнка, эмоциональное отчуждение — как результат семейной истории в нескольких поколениях и / или сложившейся трудной жизненной ситуации на момент зачатия и далее.

Говоря о жестоком обращении с ребёнком в семье, мы имеем в виду, как минимум, трёх субъектов взаимодействия — жертву, насильника и обвинителя / спасателя. Однако функция третьего

субъекта делится на три взаимоисключающие: спасатель жертвы, обвинитель насильника и спасатель насильника. Исполнителями такой работы должны быть три различных субъекта (три человека, три группы специалистов, три организации), потому что требуются различные подходы и различные специалисты.

Жертвой является ребёнок. «Ребёнок всегда невиновен... Каждый ребёнок рождается, чтобы расти, жить, реализовывать себя, чтобы любить и выражать свои чувства и потребности, стремясь защитить себя и свой внутренний мир... У любого ребёнка есть жизненно важные потребности, среди которых: потребность чувствовать себя в безопасности; уверенность, что у него есть защита, что его не обманывают; потребность в физической и эмоциональной ласке, душевном тепле... Чтобы реализовать себя, ребёнку необходимы уважение и защита взрослых, которые воспринимают его всерьёз, любят, искренне стремятся помочь ему сориентироваться в жизни... Подавление жизненно важных потребностей ребёнка в интересах взрослых, манипулирование или откровенное пренебрежение им наряду с побоями, наказаниями и обманом приводят, если никто не вмешается, к серьёзным нарушениям... Такое злоупотребление имеет далеко идущие последствия, которые часто ощущаются всю жизнь»¹.

Насильником является взрослый. Если это не психически больной человек, то в истории его жизни мы обнаружим, что в его собственном детстве он сам был жертвой. В большинстве случаев это был не один эпизод, а регулярное насилие или пренебрежение его потребностями. Алис Миллер пишет о психологическом механизме формирования поведения насильника: «У ребёнка, оставленного наедине со своими бедами, нет другого выбора, чем подавить страдания и идеализировать тех, кто ему их причинил. Подавление страданий ведёт к *неврозам, психозам, психосоматическим нарушениям и преступлениям*. Для *неврозов* характерно вытеснение и отрицание

собственных потребностей и замена их чувством вины. При *психозах* издевательства (истязания, надругательства) становятся навязчивой идеей. При *психосоматических расстройствах* человек страдает от перенесённой травмы, но причины этих страданий ему непонятны. *Преступник* снова и снова стремится отыграть то, что с ним произошло: обман, совращение, истязание... Преступление не перестаёт быть преступлением и в том случае, если преступник и жертва были слепы и заблуждались. Новым преступлениям можно воспрепятствовать, только если люди перестанут видеть в себе жертву в прошлом»².

Виктор Франкл также писал о механизме формирования поведения насильника и о том, как специалисты помогающих профессий могут работать с насильником: «... у резко освобождённого от психологического давления могут, в известной обстановке, возникать расстройства душевные. Следует отметить, что натуры примитивные в этой фазе всё ещё продолжали жить категориями власти и насилия и начинали считать, что теперь они, уже будучи освобождены, сами вольны, не задумываясь, бесконтрольно применять ту же власть, то же насилие. Для них, в сущности, изменилось только одно: из объектов произвола и несправедливости они превратились в субъектов этого же — с той разницей, что они помнили, что им пришлось пережить... Очень скоро удаётся внушить таким людям ту простую истину, что никто не вправе вершить бесправие, даже тот, кто от бесправия пострадал, и пострадал очень жестоко. Но надо над этим работать, надо добиваться, чтобы им открылась истина»³.

Почему же общество не прощает насильника и порой жестоко наказывает его, если тот сам являлся в прошлом жертвой, а его поведение — результат непроработанной психологической травмы? *Насильник перестаёт быть жертвой в тот мо-*

¹ Цит. по кн. Миллер А. Воспитание, насилие и покаяние. — М.: Независимая фирма «Класс», 2010. С. 10, 284.

² Там же. С. 284-285.

³ Цит. по кн.: Франкл В. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. — М.: Смысл, 2007. С. 123-124.

мент, когда он делает выбор и совершает акт насилия. Здесь также уместно вспомнить Виктора Франкла, который настаивал на том, что у человека выбор есть всегда: «Так что же такое человек? Это существо, которое всегда решает, кто он. Это существо, которое изобрело газовые камеры. Но это и существо, которое шло в эти камеры, гордо выпрямившись, с молитвой на устах»⁴. Ответственность за выбор, так же как и за проработку собственных психотравм, общество возлагает на насильника-взрослого, — тем самым защищая более слабого — жертву-ребёнка.

Спасатели ребёнка-жертвы и обвинители насильника-взрослого традиционно присутствуют в нашем обществе. Одни должны спасти и реабилитировать ребёнка, другие — обезвредить и наказать насильника. Однако есть ещё очень важная работа, которую наше общество в целом не готово пока что принять и, тем более, системно осуществлять. Это работа *спасателя насильника* — до, после, в процессе наказания виновного или вместо наказания. Совершаемое возмездие правомерно с точки зрения самозащиты общества, но является очередным насилием по отношению к преступнику: он снова жертва, он снова получает психологическую травму, которая впоследствии может породить ещё большее насилие. Чтобы остановить эскалацию насилия, необходима психотерапевтическая работа с потенциальным, «повторным» насильником, до того, как он вновь совершит или не совершит жестокий поступок по отношению к ребёнку.

Взрослый-насильник в своём детстве был жертвой насилия. «Каждый ребёнок вынужден выносить обстановку, в которой растёт, а также нести тяжёлый груз последствий, доставшихся в наследство от патологического прошлого матери и своего отца... Он является носителем этого долга, полученного ещё в свой пренатальный период симбиоза, а затем и постнатальных зависимостей, которые его структурировали»⁵, — пишет Франсуаза Дальто.

Проблема жестокого обращения в семье в том, что, начавшись в одном поколении, она пере-

ходит в следующие, и «душевная смута»⁶ прослеживается на протяжении нескольких поколений. «Родители съели зелёный виноград, а у детей появилась оскомина на зубах», — так написано в Библии. Получается замкнутая цепочка: ребёнок становится жертвой в родительской семье — вырастая, он становится родителем-насильником в собственной семье — его дети дальше передают насилие, которое, в том числе, может выходить за рамки семьи в широкий социум.

Работа с насильником-взрослым призвана остановить передачу и эскалацию насилия. *На первом этапе* не эффективны методы увещевания, обучения правилам родительской педагогики, советы по лучшему обращению и воспитанию детей, так как основа их жестокости лежит в сфере бессознательного. Изменить отношение жестокого родителя к своим детям можно только тогда, когда будет выявлен внутри взрослого «ребёнок-жертва», живущий в нём самом. Это сделать сложно, поскольку психика ребёнка-жертвы не справляется с ситуацией «меня бьёт тот, кто меня любит и кого я люблю», и по-своему пытается разрешить противоречие. В различных психотерапевтических подходах так или иначе говорится, что у травмированных в детстве людей в душе образуются вместо «естественного ребёнка» дополнительные, неестественные для нормального развития человека субличности: «ребёнок контролирующий» и «ребёнок страдающий»⁷. Уничтожение живого начала — «естественного ребёнка» в душе человека — опасно для общества, так как эти люди, не осознавая, занимаются эскалацией насилия или демонстрируют равнодушие и пренебрежение к детям, и прежде всего в своей семье, потому что их душа ранена.

⁴ Там же. С. 119.

⁵ Цит. по кН.: Хамитова И.Ю. Психология девиантного материнства. — М.: МГПИ, 2008. С.16.

⁶ См. кн. Рупперт Ф. Травма, связь и семейные расстановки. Понять и исцелить душевные раны. — М.: Институт консультирования и системных решений, 2010.

⁷ См. кн. Мэрелин Мюррей «Узник иной войны».- М, 2007.

Бесполезно взывать к любви, милосердию, состраданию такого человека, который внутренне либо всегда готов к нападению или отражению атаки («ребёнок контролирующей»), либо у него отсутствует эмпатия, так как он полностью поглощён собственными страданиями («ребёнок страдающий»). Жертвы в детстве становятся либо беспомощными, либо беспощадными взрослыми.

На первом этапе помощи насильникам «травмированный ребёнок» во взрослом, не нашедший в собственных родителях опоры и защиты, должен получить возможность выразить свою подавляемую обиду (за которой агрессия, разочарование, страх, чувство несправедливости и др.). Необходимо осознать произошедшее и, например, отказаться от рационализации: «Отца дед бил, меня отец бил — и ничего, выросли нормальными людьми», «В Библии сказано (Сир. 30:1): «Кто любит своего сына, тот пусть чаще наказывает его, чтобы впоследствии утешаться им» и т.д. Признать, что использовал собственных детей как «козлов отпущения» для того, чтобы отреагировать свой травматический опыт. *На втором этапе* можно учиться новым способам воспитания собственных детей без насилия.

Какую позицию должен занять специалист, помогающий насильнику-взрослому обна- ружить в себе «травмированного ребёнка» и изменить родительское поведение с собственными детьми? Позицию безусловного принятия. Безусловно принимается сам человек, его родители, его род, его судьба. Фраза «Я принимаю тебя таким, каков ты есть» имеет три глубоких смысла, которые можно разложить на прошлое, настоящее и будущее. *Прошлое:* «Я принимаю тебя» — то есть я без условий, как объективную данность, на которую никто не может повлиять, принимаю твоё присутствие в этом мире: твой род, из которого ты вышел, твоих родителей, которые совершили творческий акт создания новой жизни, и историю твоей жизни до сего момента, когда мы встретились. *Настоящее:* «Таким, каков ты есть» — то есть со всеми

твоими проблемами и твоими ресурсами, которые объективно я постараюсь узнать, невзирая на то, что многое из твоего образа жизни для меня лично неприемлемо, а многое закрыто. Но как помогающий я работаю с тем, что есть. *Будущее:* «С твоим потенциалом к изменению» — это та часть фразы, которая не проговаривается, но является отправной точкой к позитивному изменению. Надо постараться обнаружить у человека хотя бы небольшую зацепку, небольшой ресурс, на который можно опереться в изменении к лучшему.

Принимающая, а не оценивающая или карающая позиция нередко представляет собой тяжёлое испытание для специалиста, так как его могут переполнять эмоции жалости к детям-жертвам родительского насилия, негодования и ярости по отношению к насильнику. Но мы сможем сохранить уважение к людям, которые жестоко обращаются с детьми, когда поймём: почему они становятся насильниками? как дети-жертвы превращаются в родителей-насильников? каково им ощущать себя неуспешными родителями, жестокими родителями?

Обсуждая родителей насильника с ним, специалист также должен придерживаться позиции безусловного принятия. Место собственных родителей для каждого человека священно, ведь он получил от них бесценный подарок — жизнь, он несёт в себе их кровь, их черты, он похож на них и, даже отрицая это, бессознательно идентифицирует себя с ними. Завершающий жест психотерапии детских проблем — благодарность собственным родителям за подаренную жизнь.

В идеале родители-насильники, которые проработали свою детскую психологическую травму: относятся с благодарностью к своим родителям за подаренную жизнь и пониманием того, что родители им дали столько, на сколько они имели ресурсов; они с уважением относятся к своим детям, опекают и защищают их; свою силу используют для самообороны, а не агрессии;

они эмоционально восприимчивы, они становятся умными и чуткими старшими товарищами для своих детей.

Специалисты помогающих профессий: психологи, педагоги, социальные педагоги, медики, специалисты по социальной работе, сотрудники правоохранительных органов призваны работать со всеми звеньями временной цепи: ребёнок-жертва — родитель-насильник — ребёнок-жертва — и т.д. Это — изоляция насильника от общества и защита жертвы; психотерапия детской травмы насильника; обучение азам ненасильственной родительской педагогики; социально-психологическое сопровождение дисфункциональной семьи с детьми; помощь в трудоустройстве и уходе за детьми родителями; лечение алкогольной и прочих видов зависимостей; помощь семьям инвалидов; помощь молодым семьям из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в их родительском труде; психолого-педагогическая помощь в налаживании детско-родительских отношений; помощь родителям проявить свою любовь к своему ребёнку и наоборот; педагогические программы подготовки к будущему

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

успешному супружеству и родительству детей, воспитывающихся вне семьи или в воспитывающихся в дисфункциональной семье и др.

Очень нужна разъяснительная работа для нашего общества, заражённого насилием во многих поколениях революций, репрессий и войн, а также в современных условиях индивидуализации и разрушения семейных ценностей. Необходимо проговаривать, что методы так называемой «чёрной педагогики» — методы воспитания насилием, которые практиковались на протяжении тысячелетий⁸ — нужно заменять на адекватные ненасильственные, более эффективные для общества в целом (достаточно вспомнить о цене, которую заплатило человечество за тяжёлое детство Адольфа Гитлера). **В.Ш**

⁸ См. кн. Е.Н. Николаева. «Кнут или пряник?». — СПб, 2010.